

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.923.3

Н.В. Наумчик, канд. психолог. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

Представлены результаты эмпирического исследования специфики проявления в тенденциях поведения личности особенностей ее ведущих ценностно-мотивационных и рефлексивно-регулятивных структур. Исследование проводилось в контексте изучения взаимосвязей личностных характеристик.

Среди задач, которые сегодня ставит перед психологической наукой общественная практика – педагогическая, медицинская, юридическая и другие, задаче объяснения психологических оснований человеческого поведения принадлежит одно из ведущих мест. Только понимая истинные причины действий или поступков человека, можно адекватно оценить их и правильно отреагировать на них, создав, тем самым, условия и предпосылки для конструктивного дальнейшего взаимодействия с этим человеком, его адекватного личностного развития.

Известно, что в основе человеческого поведения лежат особые психологические образования – мотивы, которые в свою очередь выступают, с одной стороны, конкретным, актуальным воплощением устойчивых глубинных личностных структур – смыслов и ценностей, определяющих единую внутреннюю суть различных внешних действий, выполняющих функцию оценки и регуляции деятельности не с конкретно-прагматической, а с жизненно-ориентированной – ценностной стороны [1], с другой – отражением средовых факторов, воздействующих на личность в той или иной ситуации. Соотношение внешних и внутренних причин в детерминации конкретных действий и поступков личности также определяется как особенностями ситуаций, так и особенностями личности действующего субъекта, в том числе – особенностями развития его системы саморегуляции, в которой ведущая роль принадлежит самосознанию [2].

Таким образом, в обосновании конкретных проявлений человеческого поведения участвуют, наряду с ситуативными факторами, устойчивые личностные образования, что находит свое выражение в формировании определенного стиля, определенных поведенческих тенденций личности.

Проведенный нами анализ литературных источников по проблеме личностных оснований тенденций поведения человека показал, что в отечественной психологии вопросу теоретической проработки категории

«поведение» и изучению стилевых тенденций поведения людей уделяется недостаточное внимание [3]. Соответственно, остаются малоизученными и вопросы взаимосвязи конкретных стилевых особенностей поведения личности с особенностями ее устойчивых ценностно-смысловых, а также регуляционных образований, что затрудняет понимание качественной специфики и степени участия личностных структур в поведенческих проявлениях и возможностей самой личности адекватно регулировать и корректировать свое собственное поведение.

В этой связи представляется целесообразным проведение исследований, направленных на выявление общих поведенческих тенденций личности и установление специфики влияния на них ведущих управляющих и регуляционных личностных структур. В качестве таковых, по нашему мнению, в первую очередь следует рассмотреть отношение «Я – Другой» и личностную идентичность.

Отношение «Я – Другой», представляющее собой субъективную форму отношения человека к другим людям, занимает одно из главных мест в системе ведущих оснований психики и личности [4]. По мнению многих исследователей (Г.С. Абрамова, И.Д. Бех, А.А. Бодалев, Б.С. Братусь, Н.И. Непомнящая, С.Л. Рубинштейн и др.) отношение «Я – Другой» является ведущим, основополагающим ценностно-смысловым образованием личности, опосредствующим функционирование других личностных структур. «Важнейшим для характеристики личности является типичный, преобладающий для нее способ отношения к другому человеку, другим людям и соответственно к самому себе» [1, с. 8].

Ведущими основаниями и соответствующими им проявлениями отношения «Я – Другой» являются:

- 1) способ восприятия и понимания другого человека – в его самоценности, а также разнообразии, «неконечности» качеств (неэгоистическое, неэгоцентрическое, нравственное, а также многогранное и перспективное восприятие и соответствующее отношение) или через выгоду или невыгоду (угрозу) для себя либо уподобление его своим особенностям, причем, преимущественно в контексте «сейчас и всегда» (эгоистическое, эгоцентрическое, безнравственное, а также ограниченное и генерализованное восприятие и отношение);
- 2) характер сочетания своих интересов, ценностей с интересами, ценностями другого человека – наличие или отсутствие желания и/или способности гармонично сочетать свою ситуацию с ситуацией другого (соответственно нравственно-определенное и зрелое отношение или незрелое, нравственно-неопределенное отношение).

В соответствии со сложным строением отношения «Я – Другой», конкретные его проявления в поведении и отношениях людей оказываются

весьма многообразными, что затрудняет его адекватную диагностику и коррекцию.

Личностная идентичность представляет собой единство продуктов и процессов идентификации – одного из аспектов самосознания – процессов "...переживания человеком своего Я как ему принадлежащего" [5, с. 42]. Сознание и самосознание, в свою очередь, представляют собой высший уровень психической организации «Я» субъекта и высшую инстанцию в регуляции (саморегуляции) его отношений с миром, поскольку процессы сознания и особенно самосознания (рефлексии) обосновывают и определяют степень и качественное своеобразие личностного контроля за своей внутренней и внешней жизнью. Идентичность как центральный, интегративный аспект самосознания, как рефлексивное образование является, таким образом, механизмом самоопределения личности и ее саморегуляции, определяющим уровень ее действительной самостоятельности, ответственности и свободы [2, 5, 6].

Выделяют следующие типы (уровни) идентификации:

I тип – идентификация высокого уровня. У лиц, чьи показатели идентификации соответствуют данному уровню, отмечается высокий уровень переживания своего Я как себе принадлежащего; переживание себя в качестве источника своих сил, возможностей, решений; высокий уровень сознательной активности и саморегуляции.

II тип – идентификация среднего уровня – соответствует среднему уровню сознательной саморегуляции, так как у представителей этого типа осознанных переживаний своего Я и связанных с ним обстоятельств своей жизни для самоорганизации и установления адекватных своему Я отношений с действительностью недостаточно.

III тип – идентификация низкого уровня – соответствует низкому уровню сознательной саморегуляции, так как данный тип идентификации характеризуется как ситуативный, зависимый от Других и внешних обстоятельств.

Качество (уровень, тип) идентификации определяется особенностями процесса рефлексии, уровнем ее когнитивной сложности, опосредованности, деятельностью направленности.

Целью нашего исследования явилось, таким образом, изучение тенденций человеческого поведения в контексте их конструктивности-неконструктивности с точки зрения задач жизненной адаптации человека, а также особенностей взаимосвязи этих тенденций с отношением «Я – Другой» и личностной идентичностью. Теоретико-методологическим основанием исследования явился системный подход к изучению личности и ее отдельных свойств.

Для решения поставленных задач был использован комплекс психологических методов и психодиагностических методик. Стилиевые тенденции

поведения личности исследовались нами с помощью рисуночного теста фрустрационной толерантности С. Розенцвейга. Результаты были оценены в соответствии с нормативами, рассчитанными Н.В. Тарабиной [7], и которые в целом соответствуют разработанной нами модели адекватного поведения. Установление типов отношения «Я – Другой» включало тестирование испытуемых по методике Т. Лири (ДМО) и анализ полученных данных с учетом установленной нами ранее связи диагностируемых по методике Лири показателей с показателями нравственно-коммуникативных мотивационных тенденций личности [8]. Для определения типов (уровней) и характеристик личностной идентичности был использован комплекс клинико-феноменологических методик исследования функции идентификации, особенностей самосознания и рефлексии, разработанный Г.И. Малейчуком [5, с. 42 – 52].

В экспериментальном исследовании приняли участие студенты 1 – 4 курсов северокавказских вузов дневной и вечерней формы обучения. Количество испытуемых – 109 человек, из них женщин – 91 чел, мужчин – 18 чел. Средний возраст испытуемых – 25 лет.

На основании анализа литературы и результатов предшествующих исследований были разработаны:

- ориентировочные критерии жизненно адекватных поведенческих особенностей личности – ими оказались «соответствие», «мера» и «знак» акта или модели поведения в ситуации. Соответственно, характеристиками оптимального (конструктивного, адекватного) поведения человека выступают: его социально-ролевая адекватность, произвольная регулируемость, предметность и соответствие характеристикам ситуации, в которой оно разворачивается, широкий репертуар поведенческих реакций, тенденция (но в незначительной, умеренной степени) к надситуативной конструктивности (созидательности, согласованности) поведения.

- схема определения специфики отношения «Я-Другой» по результатам методики Лири. Согласно этой схеме нравственно-коммуникативные мотивационные тенденции личности выражаются следующим образом:

- 1) ценностное, неэгоистическое, диалогическое отношение к Другому – показатели по всем 8 октантам не превышают 8 баллов или показатели с VI по VIII октантов («сектор доброжелательности») в пределах 9 – 12 баллов преобладают над показателями II – IV октантов («сектор враждебности»);

- 2) негармоничное – нравственно-неопределенное или эгоистическое (конкурентное или потребительское) отношение к Другому – при наличии показателей свыше 12 баллов (от 13 и выше), а также при преобладании в пределах 9 – 12 баллов показателей «сектора враждебности» (II – IV октанты) над показателями «сектора доброжелательности» (VI – VIII октанты).

Результаты эмпирического исследования поведенческих тенденций у лиц, составивших выборку испытуемых, оказались достаточно проблемны-

ми. Согласно полученным экспериментальным данным, лишь 9 из 109 наших испытуемых (8 % выборки) обнаружили склонность к оптимальному (или нормативному (N) – отвечающему теоретической модели) поведению. Результаты еще 47 человек (43 %) с учетом тенденций отнесены нами к «близким к оптимальным» ($\approx N$). Почти половина (49 % – 53 чел.) обследованных нами студентов показали результаты, далеко и в разных направлениях отстоящие от норматива. С учетом специфики образцов, репрезентирующих доминирующие модели поведения, мы выделили четыре наиболее часто встречающихся в нашей выборке неконструктивных поведенческих стиля и обозначили их следующим образом: «приспособительно-уступчивый (стиль А)» – составил 11 % выборки (12 чел.), «защитно-агрессивный (стиль В)» – 11 % (12 чел.), «экспансивно-агрессивный (стиль С)» – 18 % (20 чел.) и «отстраненный (стиль D)» – 8 % (9 чел.).

Каждый из этих неконструктивных поведенческих стилей по-своему неблагоприятен, так как не отвечает (каждый по-своему) оптимальной – уверенно-независимой, но дружелюбной и творческой – модели оптимального поведения человека.

Для представителей приспособительно-уступчивого стиля характерна неумеренная склонность к согласованности поведения, принятию ответственности за ситуацию, которое, однако, не сопровождается проникновением в суть дела, о чем свидетельствует также достаточно выраженная тенденция не замечать, отрицать объективные сложности и обстоятельства ситуаций. Защитно-агрессивный вариант поведенческого стиля репрезентируют множественные проявления агрессивности, но также и проявления фрустрированности, а также чувства вины с тенденцией к самооправданию. Экспансивно-агрессивный стиль поведения характеризуется агрессивностью, экспансивностью, склонностью к манипулированию людьми, самостоятельностью и стремлением отстаивать свою правоту. Стиль отстраненного поведения представлен максимальным разнообразием вариантов, для лиц, отнесенных к этой группе, характерны принятие ответственности, самостоятельность, отсутствие выраженных самооправдательных тенденций, проявления агрессивности уравновешены выражением готовности к компромиссам.

Гармоничное отношение «Я – Другой» обнаружили в нашем исследовании 53 человека (49 % испытуемых). 56 человек (51 % опрошенных) продемонстрировали неадекватные мотивационные позиции в отношении других людей, из них 20 человек проявили враждебные установки, 24 человека – потребительские, 12 человек – трудности согласования интересов или неконструктивное подчинение.

Результаты сопоставления показателей отношения «Я – Другой» с поведенческими тенденциями студентов свидетельствуют о том, что отноше-

ние "Я – Другой" проявляется в поведенческой сфере неоднозначно (см. рисунок 1).

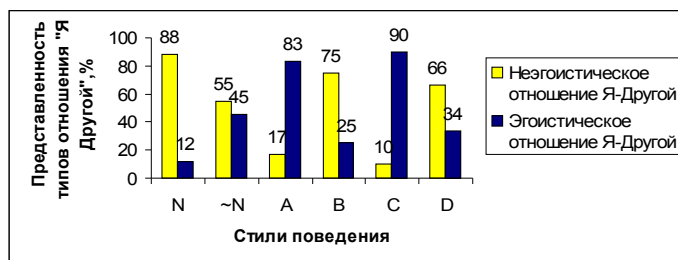

Рисунок 1 – Особенности связи поведенческих тенденций с отношением «Я – Другой»

Согласно представленным на рисунке 1 данным, нормативное поведение выражает главным образом конструктивное (ценностное, как к самому себе) отношение к другому человеку, а неконструктивное (правда, не всякое, а, прежде всего, экспансивно-агрессивное и, как это ни кажется странным, приспособительно-уступчивое) практически всегда имеет под собой эгоистические (потребительские или враждебно-конкурентные) установки. А вот за защитно-агрессивным и отстраненным стилями поведения, как показали результаты нашего исследования, чаще всего стоят неэгоистические мотивы. Эти стили поведения, так же, кстати, как и приспособительно-уступчивое, в своем содержательном проявлении в межличностных отношениях не отвечают своему внутреннему, межличностному же основанию. «Близкое к нормативному» поведение может основываться как на конструктивном (ценностном) отношении к другим людям, так и на эгоистических (преимущественно, потребительских) установках.

Тем самым, наши данные подтверждают мысль А. Маслоу [9] о сложных и неоднозначных отношениях и проявлениях эгоизма и альтруизма, а также наблюдения других ученых [4, 10] о нравственной неоднозначности как актов заботы о себе, так и коллективистических действий (уступчивости, например). Что же касается экспансивно-агрессивных поведенческих проявлений, состоящих в склонности без спросу вторгаться в чужие дела, в чужую жизнь, то, как их внешняя, наблюдаемая специфика, так и их внутренние нравственно-мотивационные основания оказываются однозначно неконструктивными.

Сопоставление показателей поведенческих тенденций с показателями идентификации также обнаруживает неоднозначность их взаимосвязи (см. рисунок 2).

Представленные на рисунке 2 результаты свидетельствуют, что нормативное поведение значительно более вероятно у лиц с высоким уровнем

идентификации. Но «близкое к нормативному» и ненормативное поведение практически равновероятны при любом типе идентификации. Кроме того, группы ненормативного поведения по показателям идентификации различаются между собой. Лица, склонные к экспансивно-агрессивному поведению, в большинстве своем самоидентичны. Среди склонных к приспособительно-уступчивому поведению равномерно представлены лица с высоким и невысокими уровнями идентификации. Что же касается защитно-агрессивных и, особенно, отстраненных личностей, то они обнаруживают преимущественно средний или низкий уровни идентификации, а это, в свою очередь, означает либо нежелание презентовать себя (что более вероятно при склонности к отстраненному поведению), либо зависимость от обстоятельств и других людей – что более согласуется с защитно-агрессивными тенденциями.

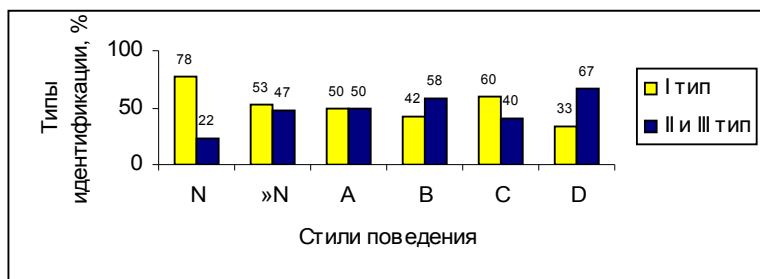

Рисунок 2 – Представленность различных типов идентификации у студентов в связи с их поведенческими тенденциями

Также мы проанализировали взаимосвязь поведенческих особенностей с отдельными показателями идентификации и рефлексии: когнитивной сложностью, опосредованностью, активностью Я-концепции.

Оказалось, что у подавляющего большинства испытуемых – 94 чел. (86 %) – самосознание имеет высокий уровень когнитивной сложности и, следовательно, свободы от аффективных искажений "Я-образа". Склонность к таким искажениям демонстрируют лишь 15 чел. (14 % опрошенных). Лица, склонные к искажениям Я-концепции, встречаются во всех категориях испытуемых, но сильнее эта тенденция выражена у отстраненных и экспансивных.

Высокий уровень опосредованности и, следовательно, когнитивной определенности, категорийной оформленности Я-концепции установлен у 75 чел. (69 %). Остальные 34 чел. (31 % выборки – то есть, почти каждый третий испытуемый) не продемонстрировали наличия у них развитой системы значений, в которых репрезентируется человеку его внутренний мир и которые позволяют ему адекватно ориентироваться в этом мире и управлять им. Низкий уровень опосредованности процессов идентификации и рефлексии и, следовательно, преимущественно бытийное, а не рефлексив-

ное самосознание, преобладает у лиц, склонных к отстраненному поведению, достаточно часто встречается у склонных к приспособительно-уступчивому и к «близкому к нормативному» поведению.

Самыми неудовлетворительными оказались результаты по субтесту, выявляющему особенности конативного аспекта самосознания: 72 чел. (66 %) обнаруживают низкий уровень активности (действенности, регулятивности) самосознания, а это означает, что большинство из обследованных нами студентов не склонны или не готовы к внутренним действиям в собственный адрес, и их самоидентификация ограничивается лишь созерцанием и констатацией каких-то фактов внутренней жизни или некоторых особенностей своей личности в сочетании с переживаниями по этому поводу или без них. Лица, обладающие регулятивным самосознанием (рефлексией конструктивного типа), преобладают (и то – лишь в незначительной степени) только в группе склонных к нормативному поведению, в остальных группах поведенческих тенденций преобладает пассивно-созерцательное и "переживательное" самосознание. В максимальной степени неадекватный, нерегулятивный характер рефлексивных процессов выражен у лиц, склонных к приспособительно-уступчивому и защитно-агрессивному поведению.

Достаточно высоким (относительно других групп) оказался удельный вес лиц, способных к саморегуляции на основе самосознания, в группе экспансивно-агрессивных (0,4 группы). К тому же и опосредованность самосознания у представителей этой подгруппы представлена в большей степени, чем у представителей других групп неконструктивного поведения. Неадекватность же их сознательного поведения указывает, таким образом, на неадекватность ориентировочных основ их саморегуляции – ими, как было установлено нами ранее, выступают мировоззрение, ценностные ориентации личности [2], а специфику ценностно-смысловой сферы экспансивно-агрессивных личностей определяет, как было показано выше, прежде всего эгоистическое, неценностное отношение к людям.

Высокий уровень развития конативного компонента самосознания продемонстрировали также студенты, составившие треть подгруппы отстраненных. Этот факт свидетельствует в пользу того, что присущие им тенденции к отстраненности, скорее всего, не спонтанны, а представляют собой выражение их личностной позиции, сознательного выбора, т.е. сознательно выработанного способа адаптации. Такой вывод не противоречит и некоторым другим данным, касающимся этой подгруппы поведенческих тенденций, установленным в нашем исследовании.

Таким образом, рефлексивно-идентификационные процессы носят у обследованных нами лиц преимущественно свободный (аффективно не связанный), но часто (почти в 1/3 случаев) – поверхностный, и еще чаще (в 2/3 случаев) – констатирующий, а не регулятивно-действенный характер.

Обобщив данные, касающиеся связи поведенческих тенденций с особенностями интегральных и частных идентификационных характеристик, констатируем, что лучшие показатели личностной идентичности продемонстрировали студенты, склонные к нормативному и, в несколько меньшей степени, к экспансивно-агрессивному поведению. Худшие – обнаружили студенты, склонные к отстраненному, защитно-агрессивному и приспособительно-уступчивому поведению.

Если соотнести эту информацию с информацией, касающейся связи стилевых особенностей поведения с характером отношения «Я – Другой», то можно заметить, что хорошее самопонимание и способность к самоуправлению сочетается преимущественно с однозначно конструктивными или столь же однозначно неконструктивными (отвечающими ценностно-смысловым образованиям) поведенческими проявлениями – нормативными или экспансивно-агрессивными.

Что касается стилей поведения, не отвечающих ценностно-смысловым установкам личности (приспособительно-уступчивого, защитно-агрессивного и отстраненного) то они представляются нам особым, индикаторным выражением истинных смыслов и ценностей личности в условиях ее недостаточной ориентировки в себе и в сложных законах межличностного общения. Неоднозначность проявления отношения «Я – Другой» в поведении выдает его напряженный, внутренне конфликтный характер. Связано это, по-видимому, с естественной противоречивостью самого «Я» – его безусловной природной пристрастностью и столь же безусловной социальной опосредованностью. Поэтому, достичь гармонии «Я» и «Не-Я», научиться «быть собой и Другим» – не просто. Это – высокое личностное достижение, которым обладает далеко не каждый [4, 9].

Кроме того, отношение «Я – Другой» (и связанное с ним поведение) в силу его высочайшей социальной значимости является и в максимальной степени социально-регламентированным и контролируемым, и поэтому (а также в силу высочайшей личной значимости социальных отношений) оказывается в максимальной степени покрытым «панцирем» из комплексов и психологических защит.

Если, к тому же, рассмотреть установленные связи отношения «Я – Другой» с поведенческими тенденциями более внимательно, то обнаружится, что неоднозначность проявления отношения «Я – Другой» в поведении не содержит принципиальных противоречий. Все связанные с конструктивным отношением «Я – Другой» поведенческие тенденции в целом выражают адекватную социальной природе человека установку на мирное сосуществование людей в заданном спецификой человеческой жизни общем пространстве, так как не содержат изначально воинственных, экспансивных, ущемляющих права других людей устремлений (агрессия, присутствующая в профиле и защитно-агрессивных, и отстра-

ненных, и даже "нормативных" личностей носит ответный, оборонительный характер). В то же время, все вышеназванные поведенческие стили (правда, не все адекватно) выражают ценностное отношение субъекта к своим интересам, к самому себе. В противовес им, репрезентирующие неконструктивное отношение "Я – Другой" экспансивно-агрессивный и приспособительно-уступчивый стили поведения выражают неценностное отношение – к другим и, как следствие, во многих случаях и к самому себе, склонность к ущемлению чужих и даже своих собственных интересов (последнее, кстати, противоречит не только социальной, но и биологической природе человека).

Коррекции, в случае проявления неконструктивных поведенческих тенденций, имеющих в своем основании конструктивное отношение «Я – Другой» (стили В и D), требуют лишь способы выражения этого отношения, которые неизбежно совершенствуются по мере развития и укрепления самосознания человека [2, 4 – 6].

Таким образом, комплексный анализ данных, полученных на основании сопоставления результатов изучения поведенческих тенденций, отношения «Я – Другой» и идентичности, указывает на то, что рефлексивные процессы и их конкретная специфика выступают механизмами опосредования проявления отношения «Я – Другой» в поведении человека.

Как оказалось, конструктивное отношение «Я – Другой» обосновывает конструктивное поведение только в том случае, когда оно сочетается с высоким уровнем развития самосознания, особенно его регулятивного (деятельностного, конативного) компонента – то есть является твердой, глубоко и всесторонне осознанной жизненной позицией личности. В противном же случае оно не находит действенного выражения в поведении, а добрые чувства и правильные взгляды оказываются всего лишь «благими намерениями» (пример тому – защитно-агрессивное или отстраненное поведение лиц, обладающих конструктивным отношением «Я – Другой»).

С другой стороны, развитие только рефлексивных и даже рефлексивно-регулятивных способностей без конструктивной нравственно-мотивационной базы, оказывается столь же бесперспективным, поскольку оно не препятствует формированию неконструктивных поведенческих тенденций – экспансивно-агрессивных или приспособительно-уступчивых, состоящих в ущемлении – открыто или замаскировано под социально-одобряемые образцы – интересов либо других людей, либо своих собственных.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют, что за определенными вариантами поведенческих тенденций личности скрываются определенные варианты характеристик ее мотивационно-смысловых структур, а также определенные варианты сочетания моти-

вационных особенностей личности с ее рефлексивно-идентификационными свойствами. Оптимальное, адекватное поведение основывается, как правило, на конструктивном – диалогическом отношении «Я – Другой» и личностной идентичности. Эгоистическое или нравственно-неопределенное отношение человека к другим людям и невысокий уровень (тип) идентификации обосновывают преимущественно различные варианты неконструктивного, неадекватного поведения.

Факты и тенденции, установленные в настоящем исследовании, могут стать ориентиром для дальнейшего углубленного изучения личностных поведенческих детерминант и особенностей функционирования системы личностных характеристик, а также основанием для разработки технологий личностного развития и совершенствования личностной подготовки специалистов различных отраслей общественной практики.

Библиографический список

1. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. — 1993. — № 1. — С. 6 – 13.
2. Наумчик Н.В. К проблеме психической саморегуляции личности / Н.В. Наумчик // Практична психологія та соціальна робота. — 2005. — № 1. — С. 57 – 60.
3. Москвичев С.Г. Мотивация, деятельность и управление / С.Г. Москвичев. — К.; Сан-Франциско: Изд-во Light Press, 2003. — 492 с.
4. Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: теория и практика / Н.И. Непомнящая. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. — 192 с.
5. Малейчук Г.И. Клинико-феноменологические методики исследования динамических свойств личности / Г.И. Малейчук // Журнал практического психолога. — 1997. — № 6. — С. 42 – 52.
6. Буюкас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности / Т.М. Буюкас // Вопросы психологии. — 2002. — № 2. — С. 28 — 39.
7. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическое и биохимическое исследование состояний фрустрации и эмоционального стресса при неврозах: Дис.... канд. психол. наук / Н.В. Тарабрина. — Л., 1973. — 129 с.
8. Наумчик Н.В. К вопросу о возможности применения методики Тимоти Лири (ДМО) для диагностики диспозиционного эгоизма личности / Н.В. Наумчик // Матеріали VII Міжнар. наук.-практ. конф. “Наука і освіта ‘2004”. Т. 28. Психологія. — Дніпропетровськ, 2004. — С. 63 – 65.
9. Маслоу Абрахам. Новые рубежи человеческой природы / Под ред. Г.А. Балла, А.Н. Киричука, Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 1999. — 424 с.
10. Молоканов М.В. Особливості мотивації вчителів / М.В. Молоканов, Н.А. Амінов // Практична психологія та соціальна робота. — 2001. — № 5. — С. 5 – 15.

Поступила в редакцию 21.11.2006 г.